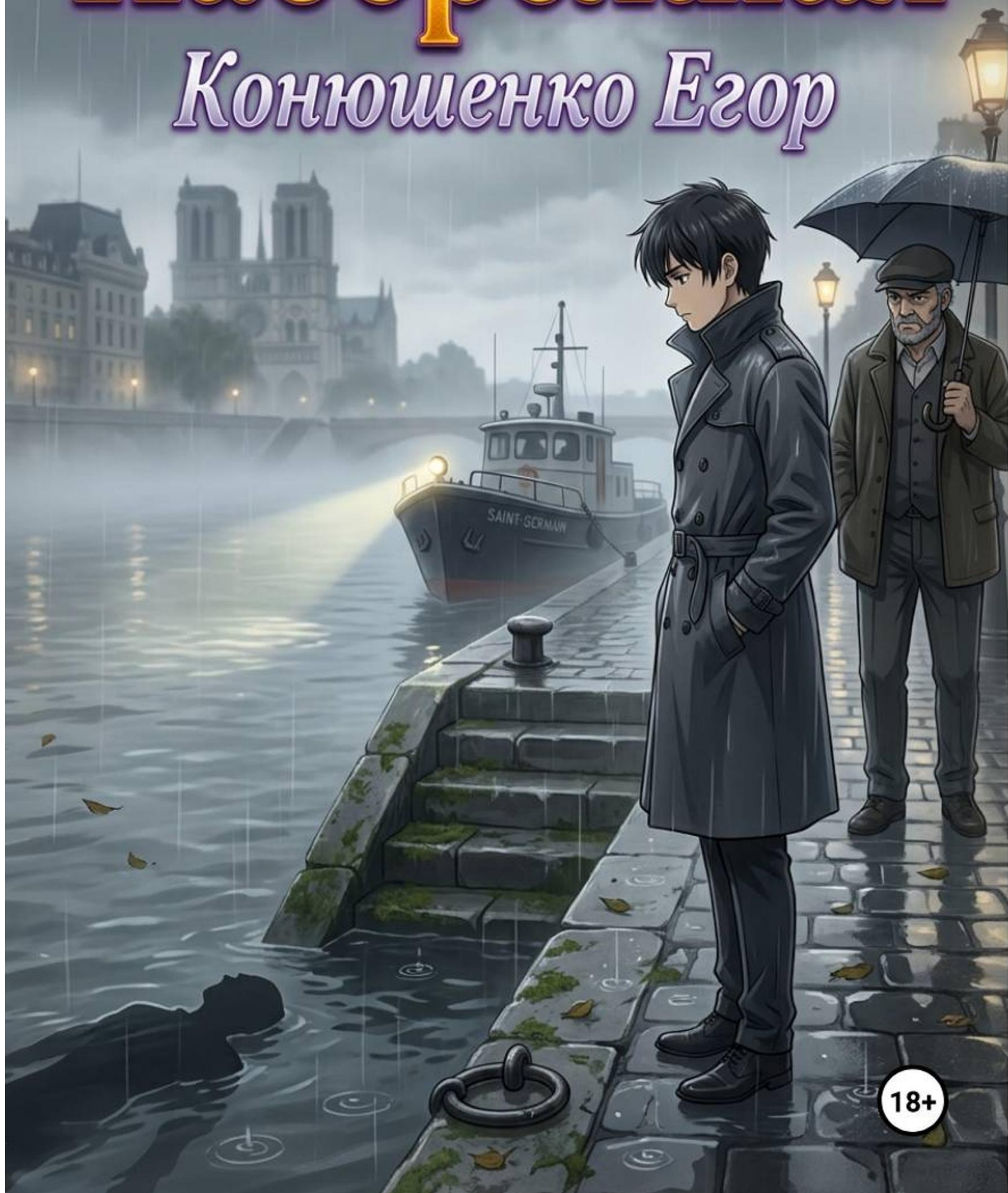

Набережная

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

Набережная

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Набережная / Е. Конюшенко — «Автор», 2026

Туманным утром на набережной Бурбон из Сены вылавливают тело пожилого Армана Леруа. Патрульные находят при нём странный ключ — маленький, никелированный, с необычной бороздкой, который явно не от его собственного дома. Комиссар Марек, не склонный верить в несчастные случаи, начинает распутывать клубок молчаливых семейных тайн, но чем глубже он копает, тем яснее понимает: ключ этот открывает не дверь, а гораздо более опасную истину. Почему же никто из близких не хочет признать, что они давно знали о существовании этого ключа?

© Конюшенко Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Егор Конюшенко

Набережная

I

Сена в это утро была серой, как крышка старого цинкового гроба. Туман висел над водой, не желая подниматься, и только изредка, когда ветерок с моста Мари приоткрывал прореху, можно было разглядеть мокрые камни набережной Бурбон — они блестели, словно только что отполированные дождём.

Патрульный катер «Сен-Жермен» двигался с включённым фонарём, но свет всё равно вяз в молочной мути. На носу стоял молодой полицейский по имени Жан-Луи, в накинутом на плечи брезентовом плаще, и, щурясь, глядел на мелькающие тени причалов. Он уже собирался повернуть к мосту, когда заметил тёмный бугорок у самой воды, возле каменной лестницы, которая спускалась к реке с набережной.

— Стой, — сказал он тихо, но катер уже сбавил ход.

Они подошли вплотную. Бугорок оказался телом. Человек лежал лицом вниз, и вода мерно покачивала его, как щепку. Рукав пальто — добротного, тёмно-серого, с кожаными пуговицами — зацепился за железное кольцо, вбитое в каменную ступень. Кольцо, видимо, служило когда-то для швартовки барж, но теперь держало мёртвого.

Жан-Луи перегнулся через борт, ухватился за воротник и потянул. Тело было тяжёлым, пропитанным водой, и казалось, что оно не желает расставаться с рекой. На помощь подскочил второй патрульный, пожилой Морис. Вдвоём они выволокли мертвеца на нижнюю ступень. Вода стекала с него ручьями, оставляя на камне тёмные разводы.

Это был пожилой мужчина. Короткие седые усы, лицо красноватое, словно он выпил перед тем, как упасть. Глаза закрыты, рот приоткрыт, и из горла тонкой струйкой сочилась вода — он, должно быть, наглотался ещё до того, как его вытащили. Пальто на нём сидело ладно, ботинки начищены, несмотря на грязь. В нагрудном кармане, когда Жан-Луи провёл рукой, что-то звякнуло.

— Не трогай, — сказал Морис. — Дождись врача.

Но он уже вытащил бумажник. Кожаный, потёртый, с золотыми буквами «А. Л.» — инициалы, вытисненные на угле. Внутри лежали несколько купюр, визитная карточка и паспорт на имя Армана Леруа, шестьдесят семь лет, проживающего на набережной Бурбон, дом десять.

— Так он живёт в двух шагах, — пробормотал Жан-Луи.

— Жил, — поправил Морис.

Через пятнадцать минут на набережную спустился полицейский врач, маленький человек в очках с цепочкой, в пальто на меху. Он присел на корточки, не обращая внимания на холодную сырость, и стал осматривать голову трупа. Нащупал пальцами затылок и нахмурился.

— Гематома, — сказал он, не оборачиваясь. — Свежая. Могла быть от удара о сваю, когда падал. А могла — от удара тупым предметом. Не могу сказать с уверенностью на месте.

— Значит, не просто утонул? — спросил Жан-Луи.

Врач пожал плечами, выпрямился и вытер руки носовым платком, который тут же стал влажным.

— Скажем так: я не рекомендую хоронить его до вскрытия. Отправляйте в морг. И оповестите уголовную полицию — пусть решают.

Он ушёл, оставив патрульных с трупом. Морис достал из кармана пальто Леруа серебряную фляжку — гравировка на боку, внутри ещё плескалось немного коньяка. Потом связку

ключей: несколько обычных латунных, железный ключ от калитки, и один маленький, никелированный, с необычной бороздкой — он явно не подходил к обычным замкам.

— Запомни этот ключ, — сказал Морис, протягивая его Жан-Луи. — Он не от его дома.

Жан-Луи посмотрел на ключ, потом на набережную. Дом Леруа — высокий, с плотно закрытыми ставнями — виднелся за платанами. Но что-то заставило его поднять глаза выше. В окне второго этажа, где тюлевая занавеска дрогнула и замерла, он успел заметить силуэт, который мгновенно исчез в глубине комнаты.

— Смотри, — шепнул он Морису.

Но тот уже нагибался, чтобы прикрыть тело брезентом.

— Вижу, — ответил он хмуро. — Не наше дело. Пока не наше.

Катер дал гудок. Сена несла свои мутные воды мимо ступеней, и тишина утра нарушалась только шорохом шин где-то на мосту Мари. Морис достал блокнот и записал: «Обнаружен у ступеней набережной Бурбон в 6:45». Потом поднял голову и посмотрел на окно. Занавеска больше не двигалась.

II

Кабинет комиссара Марек выходил окнами на Сену. Он стоял у стекла, заложив руки в карманы пальто, когда зазвонил телефон. Звонок был резким, но Марек не торопился. Он дал ему прозвенеть три раза, потом снял трубку, не поворачиваясь.

— Да.

Голос дежурного был ровным, как у человека, который сообщает о несчастных случаях каждое утро.

— Набережная Бурбон. Тело мужчины, выловили у ступеней. Патрульные говорят — утопленник. Врач заметил гематому на затылке, советует вам взглянуть.

Марек поставил трубку на рычаг. Он не ответил, не спросил, кто звонил. Он просто снял пальто с вешалки — тяжёлое, тёмно-серое, с набивными плечами — и натянул его, не застёгивая. Потом вышел в коридор. Длинный, с вытертым линолеумом, с запахом перегретого кофе и бумаги. Инспектор Люка уже ждал его у лестницы, держа в руке блокнот.

— Набережная Бурбон? — спросил Люка, не поднимая глаз.

— Да.

Они спустились к служебному «пежо». Люка сел за руль, Марек — на заднее сиденье, как всегда. Машина тронулась с места, и в ней было холодно — отопление не работало, стекло запотело изнутри. Люка провёл рукой по лобовому стеклу, оставляя полосу.

— Дождь, — сказал он.

Марек промолчал. Он смотрел в окно на мелькающие фасады — булочные с ещё закрытыми ставнями, мясные лавки, где зажигали свет. На набережной Орфевр было тихо; только мусоровоз перегородил улицу, и Люка объехал его по тротуару.

— Врач сказал — гематома, — добавил Люка.

— Я слышал.

Марек вынул из кармана папиросы, но не зажёл. Он вертел их между пальцами, глядя на реку, которая появлялась и исчезала за поворотами.

«Пежо» остановился у парапета набережной Бурбон. Марек вышел первым. Он постоял секунду, оглядываясь. Узкая брусчатка была влажной, и свет фонарей отражался в лужицах. Платаны стояли голые, с редкими жёлтыми листьями, прилипшими к стволам. Внизу, у каменных ступеней, всё ещё сидел патрульный Жан-Луи, укутанный в плащ. Тело уже увезли — санитары приехали пятнадцать минут назад.

Марек не подошёл к патрульному. Он прошёл к парапету, опёрся локтями о холодный камень и посмотрел вниз, туда, где вода лизала ступени. Там, где лежал труп, на последней ступени остался тёмный след — смесь воды и ила, ещё не смытый дождём.

Люка подошёл к нему сзади, встал на полшага позади, как всегда.

— Патрульный говорит, что вытащили в 6:45. Где-то за полчаса до того, как вызвали нас.

Марек кивнул, не оборачиваясь. Он смотрел на след — его очертания были чёткими, тело оставило мокрый отпечаток, который медленно расплывался, потому что снизу набегала вода.

— Что у него было при себе? — спросил Марек голосом, почти не слышным за шумом реки.

Люка заглянул в блокнот.

— Бумажник, документы на имя Армана Леруа, шестьдесят семь лет, проживает здесь, дом десять. Фляжка коньяка, почти пустая. И связка ключей.

— Ключи у тебя?

Люка вытащил из кармана небольшой прозрачный пакет. Внутри лежали четыре ключа — три обычных, латунных, и один маленький, никелированный, с вырезанной бороздкой,

которая шла не прямо, а с изломом. Он походил на ключ от шкатулки или от сейфа, но не от двери.

Марек взял пакет в руки, повертел перед глазами. Он не надевал перчаток — просто держал его через плёнку. Его взгляд задержался на маленьком ключе. Он поднёс пакет ближе, так, чтобы стекло фонаря осветило бороздку.

— Этот не от его дома, — сказал он, скорее себе, чем Люка.

— Патрульные тоже заметили.

Марек молчал. Он смотрел на ключ, потом перевёл взгляд на фасад дома номер десять. Трёхэтажный особняк, облупившаяся штукатурка, ставни закрыты, хотя уже почти восемь утра. Из трубы на крыше не шёл дым. Окна — тёмные, как слепые глаза.

— Кто живёт в этом доме? — спросил Марек, не поворачивая головы.

— Семья Леруа: жена, дочь с мужем. Зять работает в автосалоне на авеню де ла Гранд-Арме.

— Хорошо.

Марек сунул пакет с ключами обратно в карман пальто. Но маленький никелированный ключ он вынул из пакета, поколебался секунду и переложил в жилетный карман — отдельно, ближе к телу. Люка заметил это движение, но ничего не сказал.

Марек повернулся и пошёл к «пежо». Шёл он медленно, как будто каждый шаг требовал усилия. На полдороге остановился, посмотрел на небо — низкое, серое, с набухшими тучами, которые обещали дождь к вечеру. Потом обернулся к Люка, который всё ещё стоял у парапета.

— Выясни всё о Леруа. Банковские счета, долги, привычки. И узнай, кому принадлежит этот дом — все квартиры. Сделай это сегодня.

Он сказал это спокойно, почти как просьбу. Но Люка знал эту интонацию — она означала, что дело не закроют в первой половине дня.

— Значит, не несчастный случай? — спросил Люка, пряча блокнот.

Марек не ответил. Он открыл дверцу машины, сел на заднее сиденье и снова замер, глядя в окно. В руках он держал пакет с остальными ключами, но взгляд его был устремлён на реку. Сена текла мимо, неспешно, тяжело, унося с собой остатки утреннего тумана.

Люка сел за руль, захлопнул дверцу и включил зажигание. Мотор закашлялся, потом завёлся.

— В комиссариат? — спросил он.

— Да.

«Пежо» отъехал от парапета. Марек не обернулся, не посмотрел больше на дом Леруа. Но пальцы его правой руки, лежащей на колене, сжались в кулак — и в этом жесте было что-то от той самой гематомы, которую врач не решился назвать ударом.

III

Дом номер десять на набережной Бурбон стоял вровень с соседними, но казался старше — штукатурка на фасаде отслаивалась чешуйками, а железные ставни, плотно прикрученные к рамам, не открывались уже, наверное, не один год. Дверь была тёмно-зелёная, с чугунным молотком в виде львиной головы, и Люка, поднявшись на крыльцо, трижды ударил им. Звук получился глухой, словно били в подушку.

Прошло не меньше минуты, прежде чем за дверью послышались шаги. Медленные, шаркающие, будто человек передвигался с неохотой. Замок щёлкнул, и дверь приоткрылась на цепочку.

В щели показалось лицо — худое, с резкими скулами, глаза светлые, почти бесцветные, без слез, без испуга. Женщина лет шестидесяти, в тёмном закрытом платье с высоким воротником, волосы убраны в строгий пучок. Она посмотрела на Марека, потом на Люка, потом медленно сняла цепочку.

— Комиссар полиции? — спросила она голосом ровным, как доска.

— Марек, уголовная полиция. Мы хотели бы поговорить о вашем муже.

Она не ответила, просто отступила на шаг, открывая дверь шире. Марек вошёл первым. В прихожей пахло воском — густым, сладковатым, как в церкви, — и ещё сухими цветами. Он огляделся: на полу лежал тёмный ковёр с вытертыми краями, у стены стоял высокий зеркальный шкаф красного дерева, в котором отражался тусклый свет из коридора. Справа, за аркой, угадывалась гостиная — там тоже было темно, только горела настольная лампа под шёлковым абажуром.

— Проходите, — сказала женщина, не оборачиваясь.

Она шла впереди, прямая, с застывшей спиной, и Марек отметил про себя, что у неё даже походка — как у человека, который уже давно не ждёт ничего хорошего. Она провела их в гостиную. Комната была заставлена тяжёлой мебелью — диван с вышитой обивкой, два кресла с деревянными подлокотниками, посередине низкий столик, на котором стояла ваза с засохшими розами. Лепестки осыпались на скатерть, но их не убирали. Воздух здесь был плотный, застоявшийся, и пахло тем же воском и пылью.

— Садитесь, — сказала Сюзанна Леруа и села сама, на краешек дивана, сложив руки на коленях.

Марек не сел. Он остался стоять у окна, положив руки в карманы пальто. Люка встал у двери, блокнот наготове.

— Мы нашли вашего мужа сегодня утром, у ступеней набережной, — сказал Марек. — Вы, вероятно, уже знаете.

Она кивнула, не поднимая глаз.

— Да. Мне сообщили.

— У него при себе была связка ключей. Вы не знаете, что это за ключи? Особенно один — маленький, никелированный?

Она подняла взгляд на Марека, и в её глазах не было ни удивления, ни интереса. Только пустота, как в комнате, которую проветривают раз в год.

— Я не знаю никаких ключей. Арман всегда носил связку с собой. Мне он не показывал.

— Он часто уходил по вечерам?

— Последнее время — да. Говорил, что ему нужен воздух. Он всегда любил ходить вдоль реки.

— В бар «Ле Багно» за углом?

— Иногда. Он пил коньяк, но я не следила.

Марек смотрел на неё. Она не нервничала, не прятала взгляд, не теребила платье. Она сидела неподвижно, словно её вырезали из картона. Но он заметил: когда он упомянул ключ, её пальцы чуть сжались на коленях — на мгновение, почти незаметно.

В этот момент в коридоре слышались шаги — быстрые, неровные. В дверях показалась женщина лет тридцати пяти, бледная, с кругами под глазами, в светло-сером халате, который она запахивала на груди. Она переводила взгляд с Марека на мать и обратно.

— Комиссар? — спросила она голосом, который срывался. — Вы опознали отца?

— Да, мадемуазель Веркрюйс?

— Берта, — сказала она, делая шаг в комнату. — Я его дочь.

Она остановилась у стола, оперлась рукой о спинку кресла, и Марек увидел, что пальцы у неё дрожат — мелко, как у человека, который долго сдерживает дрожь. Она не смотрела на мать, она смотрела на Марека с выражением, в котором перемешивались страх и надежда, и трудно было разобрать, чего больше.

— Скажите, — продолжила она, — это точно был несчастный случай? Врачи сказали — утопление, но...

— Пока мы не делаем выводов, — спокойно ответил Марек. — Но у нас есть вопросы. Вы не знаете, зачем ваш отец мог носить с собой особый ключ?

Берта покачала головой, слишком быстро.

— Нет, нет, я ничего не знаю. Он никогда не говорил о своих делах.

— А ваш муж? — спросил Марек, переводя взгляд на дверь. — Он дома?

Берта обернулась, и в этот момент в коридоре появился Флориан Веркрюйс. Он был высокий, светловолосый, в дорогом сером свитере под пиджаком, гладко выбритый, с лёгкой улыбкой на губах. Он вошёл с уверенностью человека, привыкшего занимать комнату, и сразу протянул руку Мареку.

— Комиссар? Я Флориан Веркрюйс, зять покойного. Ужасная новость. Мы все потрясены.

Марек пожал руку, коротко, без усилия. Рука у Веркрюйса была тёплая и сухая, как у человека, который всегда готов к рукопожатию.

— Вы можете рассказать о том, как вёл себя ваш тесть в последнее время? — спросил Марек.

— Конечно, конечно. Садитесь, прошу вас. — Флориан подвинул кресло, но Марек не сел. — Арман, — продолжил Флориан, понижая голос, словно делился секретом, — в последние месяцы был очень странным. Уходил по вечерам, возвращался поздно. Говорил, что гуляет, но, поверьте, я видел его на улице Розье, в Марэ, — он туда часто ездил. И деньги... он стал много тратить. Я проверял счета — на банковской выписке постоянные списания, мелкие, но регулярные. Я не хочу плохо говорить о покойном, но мне кажется, он что-то скрывал.

Берта, стоявшая у стола, вдруг подняла голову и посмотрела на мужа с таким выражением, что Флориан на секунду замолчал. Но он быстро улыбнулся и добавил:

— Разумеется, я не утверждаю. Просто факты.

Марек слушал, не перебивая. Он стоял у окна, и через щель в ставнях на пол падала узкая полоса серого света — она ложилась на ковёр, пересекала стол, касалась вазы с сухими розами. Марек смотрел на эту полосу, потом на лица троих людей, которые стояли в комнате. Сюзанна по-прежнему сидела неподвижно, глядя в одну точку. Берта сжимала край стола пальцами, белыми от напряжения. Флориан стоял в центре, выпрямившись, и его руки свободно висели вдоль тела — слишком свободно.

— Вы знаете, где был ваш муж вчера вечером? — спросил Марек, обращаясь к Берте.

— Я... не знаю точно. Он вышел около девяти. Сказал, в бар. Я не спрашивала.

— Он часто пил?

— Иногда.

— А вы, мсье Веркрюйс, вы видели его вчера?

Флориан на мгновение задумался, и это была не пауза, а именно заминка — слишком долгая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.